

Вырезка из газеты
ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА

Москва 13 АПР 1954

„Мещанин во дворянстве“

ПОСЛЕ «Тартюфа» все мы с нетерпением ждали представления второй привезенной французскими актерами мольеровской пьесы, комедии-балета «Мещанин во дворянстве».

Мы увидели новый спектакль — спектакль с удивительной точностью и законченностью передающий особенности созданного Мольером своеобразного жанра комедии-балета.

В предисловии к одной из таких комедий Мольер писал:

«Чтобы не разрывать нити пьесы интермедиями, мы решили связать их как можно теснее сюжетом, соединив балет и комедию в одно целое». В спектакле «Комеди франсез» реалистические бытовые сцены, веселая изобретательная буффонада, балетные интермедии действительно сливаются в одно неразрывное целое, создавая представление, поражающее своим блеском, легкостью и жизнепородностью.

Острая сатирическая мысль Мольера, язвительно высмеявшего «мещанина» Журдена, стремящегося войти в дворянское общество, подражающего всем нелепым прихотям знати, выражена в спектакле с подлинной театральностью, неистовым выдумкой и грацией.

Каждая балетная интермедия имеет свое реальное оправдание, сатирический смысл, а бытовые сцены построены так пластично и музыкально, что по своей природе примыкают к танцевальным эпизодам спектакля.

Вот портняж, танцующий торжественно наряженный Журден в новое дворянское платье, натягивают на него красивый камзол, нахлобучивают ему на голову пышный парик, шляпу с ярким плюмажем и в заключение заставляют вокруг него в балетных позах, образуя своеобразный «анофеоз»,

словно иронически приглашая зрителей полюбоваться нелепым видом выскочки-буржуа. Танец здесь приобретает совершенно определенное сатирическое содержание.

Знаменитая комедийная сцена ссоры и примирения двух любовных пар — Люсиль и Клеонта, Николь и Ковьяля — сыграна так четко и ритмично, что обретает точный, почти танцевальный рисунок.

Так во всем спектакле сохраняются его цельность, стилевое единство.

Это тончайшее ощущение стиля сказывается во всех самых мелких деталях. Оно присутствует и в той необходимой доле условности, которой требует этот новый, утвердившийся Мольером жанр комедии-балета.

Во время обеда, устроенного Журденом в честь маркизы Доримены, актеры ничего не «едят», они только легкими движениями рук касаются поднесенных танцующими поварами бесчисленных блюд, подносят к губам пустые бокалы, но в целом вся эта сцена создает образное ощущение богатого, пышного пира.

В этом, как и во многих других эпизодах спектакля, сказались тонкий вкус режиссера Жана Мейера и постановщика либретиста Леоны Май. Недавно испытывая чувство благодарности к этим художникам, сумевшим избежать всякой аляповатости, натуралистичности и пестроты, ухитрившимся с таким вкусом показать безукрасно Журдена, раскрыть нелепость и вульгарность его аристократических претензий так изящно и ненавязчиво. Это тонкое чувство меры, точное ощущение стиля эпохи, природы мольеровского театра свойственно и работе художника декораций и костюмов Сюзанн Лалик.

Все это делает понятным, почему

так органично входит в ткань спектакля старинная музыка Люлли, не приходя в противоречие со всеми его остальными компонентами.

На большой высоте и игра актеров. После выступления Луи Сенье в «Тартюфе», где он сдержанно и строго сыграл Оргона, нельзя не похвалиться неистовым комедийной фантазией этого актера, которую он проявил в роли Журдена, и тому безошибочному чувству меры и такта, с каким он выполняет самые рискованные, буффонские трюки.

Нельзя без смеха смотреть на этого толстого, неуклюжего человека, когда он, отдуваясь и пытаясь, из кожи вон лезет, подражая приемам и манерам знатных господ, жеманится и кокетничает, воркует, словно влюбленный голубь, расточая «галазные» комплименты маркизе Доримене.

В высшем свете увлечение музыкой считается хорошим тоном — и господин Журден тоже желает во что бы то ни стало «приобщиться» к этому искусству, хотя от музыки его всегда клонит ко сну.

Слушая сочиненную для него чувствительную песенку, он мгновенно засыпает, и его могучий хриплый довершает последние замирающие аккорды.

Во время смехотворной церемонии посвящения в звание турецкого «вельможи» над ним заносит огромный ятаган, и новоявленный «мамамуши» самым непристойным образом визжит от страха.

Кончилась эта церемония, ушли «турки». Журден-Луи Сенье долго и неподвижно сидит на полу, в цен-

тре комнаты в нелепом одеянии с огромным тюрбаном на голове, и трудно придумать что-либо глупее его блаженного и самодовольного лица.

Так актер, следуя за Мольером, зло разоблачает вздорность и нелепость человека, оторвавшегося от своей среды, старающегося рабски подражать чуждым замашкам.

Господин Журден встречает отпор своим затеям со стороны своей жены и служанки Николь.

Беатрис Бретти, уже знакомая нам по интересному исполнению Доримены в «Тартюфе», мастерски играет роль смелой и лукавой Николь.

Увидев своего господина в пышном, украшенном перьями и лентами дворянском костюме, она не может удержаться смеха, валится от хохота на пол. И ее смех подхватывает весь зрительный зал, покрывая аплодисментами всю эту сцену. Зрители в этот момент словно аплодируют воплощенному в образе Николь здравому смыслу и юмору французского народа, издавна издевавшегося над смешными прихотями зазнавшихся богачей.

Жермен Руэр, играющая роль госпожи Журден, не подчеркивает неотесанности, грубости своей героини, она показывает, что эта простая женщина наделена здравым смыслом, чувством собственного достоинства, не лишена женской привлекательности и даже гранозности в своей безыскусственности и неприязнательности.

Постановщик спектакля Жан Мей-

ер, выступая в роли Ковьяля, подчеркивает ум, находчивость и ловкость этого хитрого слуги.

Очень обаятелен молодой актер Жан Пья в роли пылкого и честного Клеонта. Для того, чтобы жениться на дочери Журдена Люсиль, ему приходится разыгрывать роль «сына турецкого султана». Жан Пья делает это с большим актерским увлечением и задором. Нельзя без улыбки смотреть на его увенчанное невероятным тюрбаном, лукавое, почти мальчишеское лицо, с трудом сохраняющее серьезное, важное выражение.

Хорошей партнершей Жану Пья является Люсиль — Мишелин Будэ, счастливо избежавшая жеманства и сентиментального «навивничанья», так часто встречающегося в исполнении подобных ролей.

Морис Эсканд в роли Доранта выразительно передает изысканность этого пышного графа, его бесконечную наглость, с которой он дурачит Журдена, выманивая у него крупные суммы денег.

Играющая маркизу Доримену актриса Мари Сабурэ создает стильный и пластичный рисунок роли.

Вообще, надо сказать, что в этом спектакле актеры «Комеди франсез» показали не только блистательное владение режиссурой, но и замечательное мастерство сценического движения, жеста, мимики и пантомимы.

Люсиль не сразу узнает своего возлюбленного Клеонта в «сыне турецкого султана» и сначала изотрезывается выйти за него замуж. Клеонт, Ковьяль, Дорант и Дориме-

на за спиной господина Журдена делают ей безмолвные знаки. Удивительно выразительны эти четыре пары рук, красноречиво «уговаривающих» Люсиль не губить всей затеи.

Для эпизодических ролей французские актеры нашли также яркие и точные характеристики — запоминаются и величавый учитель танцев (Жак Шарон), и учитель музыки (Робер Манюэль) и воинственный учитель фехтования (Адри Роллан), и особенно, учитель философии (Жорж Шамара), дряхлый старичок с желтым пергаментным лицом.

Ярко поставлена сцена драки учителей, спорящих о том, чей предмет важнее, после которой учитель философии возвращается на свой урок в самом жалком виде, в разорванном камзоле, одна волоха ноги, подерживаемый двумя лакеями, и прижимая к груди толстую, совершенно растерзанную книгу.

Таких комедийных деталей и находок очень много в этом спектакле, блестящем выдумкой и изобретательностью.

„Кончается представление, актеры без конца выходят на аплодисменты, склоняются в поклоне увенчаные огромными тюрбанами голыши участники турецкой интермедии, излетают вверх в приветственном жесте украшенные яркими перьями шляпы, а зрители снова и снова называют участников этого спектакля, от которого остается ощущение радости, красоты, заразительной и праздничной театральности.

М. Бабанова,
народная артистка СССР.

НА СНИМКЕ: сцена из третьего действия комедии-балета Мольера «МЕЩАНИН ВО ДВОРЯНСТВЕ» в постановке театра «Комеди франсез»; госпожа Журден — артистка ЖЕРМЕН РУЭР, Журден — артист ЛУИ СЕНЬЕ, Клеонт — артист ЖАН ПЬЯ, Люсиль — артистка МИШЕЛИН БУДЭ.

Фото А. БАТАНОВА
и В. МАТЮКОВА (ТАСС).

